

чить единство классового и общенародного в характере и деятельности КПСС на современном этапе.

**П. П. Дронь,
В. К. Коршук**

В. И. Кузищин, А. И. Немировский, Э. Д. Фролов и др. Историография античной истории. /Под ред. В. И. Кузищина.—М.: Высшая школа, 1980.—415 с.

Рецензируемое учебное пособие по истории античного мира написано высококвалифицированными специалистами. Авторы используют богатый фактический материал, накопленный советской историографией, а также вводят в научный оборот новые материалы. Достоинством книги является ее полемическая заостренность. В ней подвергаются критике и разоблачению реакционные взгляды и концепции буржуазных ученых.

Положительной стороной учебного пособия следует считать то, что в нем уделяется должное внимание изучению античной истории в дореволюционной России, показывается большой вклад русских ученых в разработку ряда кардинальных проблем истории Греции и Рима. Всяческого одобрения заслуживает выделение специальной главы (четвертой) для интерпретации высказываний Маркса и Энгельса об античности. В книге освещается расширение источниковедческой базы и развитие вспомогательных научных дисциплин на рубеже XIX—XX веков. Рассматривается историография античности с 1890 по 1917 год не только в Германии, Франции и Англии, но и в Австро-Венгрии, Голландии и Бельгии, Испании и Португалии, в балканских и скандинавских странах. Это делает работу весьма ценной, если учесть, что на протяжении длительного времени в историографические обзоры, как правило, включались только труды немецких, французских и английских историков.

В седьмой главе учебного пособия исследуется буржуазная историография античности с 1917 по 1945 год. В эту главу включено много новых материалов, ибо до сих пор буржуазная историография этого периода была слабо разработана в советской исторической науке. То же самое следует сказать о восьмой главе, в которой исследуется современная зарубежная историческая наука об античности (1945—конец 70-х годов). В книге уделяется должное внимание советской историографии античности. Следует приветствовать включение в учебное пособие отдельной главы, посвященной изучению античности в европейских странах социализма.

Критические замечания по книге сводятся к следующему. Содержание первой главы позволяет сделать вывод, что ее авторы доводят средневековую историографию до конца

XIII века. Период же Возрождения они не относят к эпохе средневековья. Кстати, на 19-й странице содержатся следующие строки: «В XIV—XV вв. в Европе появляются признаки разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений». С таким утверждением авторов нельзя согласиться. Началом истории средних веков принято считать V в. н. э., а ее концом—середину XVII. Отсюда следует, что период Возрождения еще относится к эпохе средневековья. Только позднее средневековье (XVI и первая половина XVII века) считается периодом разложения феодализма, когда в его недрах складывается капиталистический способ производства. Наши критические замечания имеют частный характер. В целом учебное пособие отвечает своему назначению и будет полезно не только студентам, но и всем, кто интересуется античной историей.

Г. М. Лившиц

E. Ferenczy. From the patrician state to the patriciopebeian state.—Budapest, 1976, 224 p.

Проблемы генезиса древнеримской государственности продолжают оставаться в центре внимания исследователей античности как в нашей стране, так и за рубежом. Новым тому свидетельством является книга венгерского историка античного права Е. Ференци «От государства патрициев к государству патрициев и плебеев».

Книга состоит из двух частей: «Патрицианское государство» и «Первый период патрицианско-плебейского государства». Е. Ференци видит раннее римское общество весьма дифференцированным по социальному составу. По его, вполне справедливому мнению, социальная история показывает, что эволюция классов была всегда результатом длительного процесса и разделение римского общества на классы началось так же рано, как и эпоха монархии (с. 17).

Вместе с тем, вряд ли является правомочным распространение термина «государство» на царскую эпоху. На наш взгляд, исследуя царский и раннереспубликанский периоды, предпочтительнее говорить о распаде родовых отношений и формировании классового общества и государства. Не отвергая определенной самостоятельности плебейских политических институтов в общей системе политической организации римского общества, мы хотели бы обратить внимание на уже имеющуюся в советской историографии характеристику основного направления в формировании римского раннерабовладельческого государства. Согласно этой концепции, ранний Рим был первобытной общиной, власть в которой на определенном

этапе ее разложения захватила родовая знать. В связи с этим тезис «от государства патрициев к государству патрициев и плебеев» получает смысл: «от родоплеменной организации к рабовладельческому государству».

Во второй части книги Е. Ференци исследует римскую внешнюю политику 390—312 годов до н. э. и цензорство Аппия Клавдия. Кроме того, автор предлагает свою интерпретацию происхождения и эволюции отдельных важных политических институтов: военных трибунов с консульской властью, трибутовых и центуриатных комиций. Примечательно замечание о качественном отличии социальной дифференциации плебса до и после законов Лициния—Секстия. Автор справедливо отмечает, что без поддержки беднейших масс плебейская аристократия не смогла бы преодолеть упрощения патрициев. Это и вынуждало плебейскую верхушку согласовывать свои политические цели с интересами низов (с. 48). Характеристика деятельности Аппия Клавдия отличается умением автора улавливать тончайшие нюансы социальной борьбы одного из сложнейших периодов ранней римской истории. Определяя наиболее отдаленные политические цели трибутовой реформы Аппия Клавдия, Е. Ференци правомерно утверждает, что первостепенной задачей этого мероприятия [было] усиление армии. Вне сомнения, положительно общая оценка перспективы классовых отношений в Риме после законов Гортензия. Последняя сессия, пишет Е. Ференци, не означала, как это подчеркивалось в ранней литературе, что классовая борьба в Риме уже закончилась (с. 194).

Дискуссионность отдельных выводов и положений, содержащихся в книге Е. Ференци, отнюдь не умаляет вклада автора в разработку истории римских политических институтов. В целом же монография представляет знаменательное явление в области исследования истории античного государства и права.

**Н. И. Миницкий,
О. И. Ханкевич**

В. Ф. Берков. Противоречия в науке.—Минск: Вышэйшая школа, 1980.—96 с.

Выявление и разрешение противоречий в науке является существеннейшим фактором ее развития, и потому осознание их природы, источников, познавательной роли имеет важнейшее методологическое значение. Несомненный шаг вперед в разработке этих и смежных с ними вопросов представляет собой небольшая по объему, но весьма содержательная монография В. Ф. Беркова. Анализируя субъектно-объектные отношения как гносеологическую основу проти-

воречивых ситуаций в науке, автор выделяет основной их источник—противоречие между бесконечностью, разнообразием объекта и ограниченностью познавательных возможностей субъекта познания. Противоречия в знании отражают диалектически противоречивый характер материального мира. Здесь же обосновывается возможность возникновения «незаконных» противоречий как следствия путаницы в рассуждениях.

Интересен логико-методологический анализ вопроса о роли ценностных ориентиров в научном исследовании и появлении противоречий в его результатах. Автор делает вывод, что определенную гарантию от случайных, надуманных противоречий в науке дает соответствие ценностных ориентиров исследователя (и прежде всего ориентиров философского, логико-методологического порядка) закономерностям объективной действительности. Если язык науки оперирует принципиально неточными определениями, многозначными терминами, то он представляет собой «открытую» систему, позволяющую вовлекать в орбиту тех или иных теорий объекты иной природы, и становится одним из источников противоречий в научном освоении мира.

В книге исследуется неразработанный в литературе вопрос о классификации научных противоречий и анализируются основные их виды: противоречия между теорией и фактами, предметом и методом научного исследования, сосуществующими теориями, а также противоречия, возникающие и преодолеваемые в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. «Характеристики этих противоречий включают в себя как объективные, так и субъективные моменты» (с. 65).

Новизной подхода отличается рассмотрение вопроса о функциях противоречий в развитии научного знания. В связи с этим автор исследует отношения противоречий к запретам, проблемам, методологическим установкам. Сосредоточивая внимание главным образом на двух видах противоречий — формально-логическом (в его классическом понимании) и диалектико-логическом — как крайних случаях в ряду возможных противоречивых ситуаций, автор выделяет интересную и, на наш взгляд, чрезвычайно важную логико-методологическую проблему об особенностях противоречий, занимающих в этом ряду промежуточное положение.

Книга написана на высоком научно-теоретическом уровне с использованием естественно-научного материала и достижений современной логики. Глубокий, вдумчивый и творческий подход к решению широкого круга вопросов делает монографию полезной и интересной всем, кто интересуется методологическими проблемами науки.

А. П. Хилькевич